

УДК 343.229

Светлана Владиславовна АНОЩЕНКОВА,

доцент кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

anoshenkovas@list.ru

ДОБРОСОВЕСТНАЯ ОШИБКА ЛИЦА В АСПЕКТЕ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

A CONSCIENTIOUS ERROR OF A PERSON IN THE ASPECT OF INSTITUTION OF COMPLICITY IN A CRIME

Исследование института соучастия в преступлении включает вопросы оснований и пределов уголовной ответственности соучастников (ст. 35 УК РФ). Однако прежде всего правоприменитель должен определить: кого из лиц, участвовавших в выполнении общественно опасного деяния, юридически обоснованно можно причислить к соучастникам. Актуальны исследования роли и правовой оценки поведения лица, действовавшего в ситуации, которую обозначают по-разному: посредственное причинение вреда, извинительная ошибка, добросовестное заблуждение. Настоящая публикация – предложение об уточнении уголовно-правовой терминологии, признаках, типологии и уголовно-правовом значении исследуемого феномена в аспекте учения о соучастии в преступлении.

The study of institution of complicity in a crime includes questions of the grounds and limits of criminal liability of co-participants (Article 35 of the Criminal Code of the Russian Federation). However, first of all, a law enforcement officer must determine: who, among the persons having participated in the committing of a socially dangerous act, can legally be considered as accomplices. Still actual are studies of the role and legal assessment of the behavior of a person, acting in a differently evaluated situation: mediocre harm, an excusable mistake, an honest mistake. This publication is a proposal to clarify criminal legal terminology, features, typology and criminal legal significance of the phenomenon under study in the aspect of the doctrine of complicity in a crime.

Ключевые слова: ошибка, добросовестное заблуждение, опосредованное причинение вреда, соучастие, совместность умысла, субъективная сторона, уголовная ответственность.

Keywords: error, conscientious error, indirect harm, complicity, joint intent, subjective side, criminal liability.

Действующее российское уголовное законодательство, весьма обстоятельно определяя понятие исполнителя преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ), указывает, что таковым признается также лицо, «совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости

или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом». Вопросы достижения лицом возраста уголовной ответственности и его вменяемости-невменяемости, в том числе и так называемой ограниченной вменяемости, регулируются ст. 20-22 УК РФ. Что касается иных обстоятельств, в силу которых лицо, фактически участвовавшее в соверше-

нии преступления, не будет привлечено к уголовной ответственности как исполнитель или соисполнитель преступления, то уголовный закон, ссылаясь на собственное содержание, тем не менее не раскрывает таковых. В связи с этим возникает вопрос: что имеется в виду под другими обстоятельствами, в силу которых лицо, фактически выполнившее действия, образующие объективную сторону преступления, не признается исполнителем (соисполнителем), либо иным соучастником преступления, а потому не подлежит уголовной ответственности.

Представляется, что законодатель, допуская открытый перечень обстоятельств, в силу которых некоторые лица не могут признаваться исполнителями или соисполнителями преступления, имел в виду в том числе и заблуждение вовлекаемого в преступление лица [6, с. 99]. Причинение вреда в этом случае носит опосредованный характер и в теории уголовного права рассматривается как посредственное причинение вреда [9, с. 292]; лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, именуется посредственным исполнителем [1, с. 124], а лицо, фактически причиняющее вред, – непосредственным его причинителем. То обстоятельство, что посредственный исполнитель привлекается к уголовной ответственности, не позволяет отнести посредственное причинение вреда к неправомерным видам причинения, считает И.Ю. Янина [10, с. 133]. Вводя стороннее лицо в заблуждение, обманывая его либо используя неинформированность, некомпетентность первого, посредственный исполнитель осуществляет свой преступный умысел. Варианты участия непосредственного причинителя вреда по отношению к объему выполняемого деяния могут быть различными: такое лицо либо от начала и до конца выполняет деяние (действие либо бездействие), которое затем полностью вменяется легальному исполнителю, либо осуществляет какую-либо часть соответствующего деяния, а другую часть выполняет опосредованный

исполнитель. Так, Р. отдал подчиненным ему бульдозеристам распоряжение о порубке лесных насаждений, которое они выполнили. В обвинительном приговоре суд подчеркнул, что И. и С. добросовестно заблуждались относительно законности или незаконности отданного им распоряжения, поэтому Р. был признан исполнителем преступления и осужден по ч. 3 ст. 260 УК РФ за незаконную рубку лесных насаждений с использованием служебного положения и в особо крупном размере¹. В этом случае общественно опасное деяние, а именно рубку лесных насаждений, полностью совершили лица, которые, по мнению суда, действовали в состоянии добросовестного заблуждения. При этом они реализовывали не свой собственный умысел, а выполняли обязательное для них в силу трудовых обязательств распоряжение руководителя.

Возможны случаи, когда лицо, добросовестно заблуждаясь в намерениях легального исполнителя, может оказать ему содействие в совершении преступного деяния. Ф-ва., действуя с единым умыслом, направленным на тайное хищение денежных средств с банковского счета, принадлежащего П., воспользовалась мобильным телефоном и вставленной в него сим-картой, используя услугу «Сбербанк Онлайн», привязанную к банковской карте ПАО «Сбербанк России», имеющей расчетный счет на имя потерпевшего П. в структурном подразделении ПАО «Сбербанк», услугу «Мобильный банк», предоставляющую возможность удаленного доступа и управления денежными средствами, совершила операцию по переводу денежных средств в размере 11000 руб. на счет банковской карты ПАО «АК БАРС» банк на имя Н. В тот же день Н., будучи не осведомленным о преступных действиях Ф-вой, по просьбе последней совершил в банкомате операции по снятию с его банковской карты поступивших вышеуказанных денежных средств в размере 11000 рублей, принадлежащих П., после чего передал их Ф-вой, которая обратила их

¹ Приговор Пролетарского районного суда г. Саранска Республики Мордовия по уголовному делу N 1-156/2022. URL: <https://yadi.sk/d/k5TflgM6cGa1Pw/> (дата обращения: 24.08.2023).

в свою собственность¹. Из данного примера судебной практики следует, что часть деяния, составляющего объективную сторону преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, выполнила осужденная по данной статье Ф-ва, а часть – ее брат Н., не осведомленный о преступных намерениях сестры, которая была осуждена, а Н. не был привлечен к уголовной ответственности; его процессуальный статус обозначен как свидетель.

О применяемых уголовно-правовых категориях. Для обозначения ситуации опосредованного причинения вреда в специальной литературе используется ряд категорий, связанных именно с особенностями субъективного восприятия события непосредственным причинителем вреда: ошибка, заблуждение [6, с. 99], добросовестное заблуждение. В специальной литературе говорится о заблуждении [6, с. 99]; заблуждении и неведении [5, с. 123-130]. Использует эти категории и Верховный Суд РФ². Исследователи также используют категории «добросовестное заблуждение» и «извинительная ошибка» [3, с. 75]. Н.С. Таганцев писал об ошибке, объединяя в этом понятии неведение и заблуждение, поскольку в результате так или иначе констатируется отсутствие сознания действительности [7, с. 458]. А.Г. Иванов, не оспаривая представление классика уголовного права об ошибке, акцентирует внимание именно на категориях неведения и заблуждения, приводя типологию последних и определяя их как добросовестное и недобросовестное заблуждение и добросовестное и недобросовестное неведение [5, с. 124-125]. Представляется, что прав классик уголовно-правовой науки, говоря об ошибке, поскольку в конечном счете вне зависимости от дефекта восприятия действительности (неведение как неосведомленность или заблуждение как искаженное представление) речь идет об ошибке, так как неверное восприятие действитель-

ности приводит к вовлечению ошибающегося лица в выполнение фактически преступного деяния. «Ошибки – это неправильные, неверные действия, решения, неправильный выбор. Они могут быть случайными, сознательными или легкомысленно допускаемыми», – пишут М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин [2, с. 79-80]. С точки зрения теории субъективной стороны преступления субъект может допускать юридические или фактические ошибки как при умысле и по неосторожности. Случайная ошибка, если ее трактовать из казуса в смысле (ст. 28 УК РФ), послужила бы основанием освобождения лица от уголовной ответственности за отсутствием признаков состава преступления. Фактическая и юридическая ошибки, допущенные предумышленно либо по неосторожности, относятся к содержанию вины субъекта соответственно умышленного или неосторожного преступления; «случайная» т.е. невиновная ошибка исключает уголовную ответственность. Сказанное относится как к субъекту преступления, так и к лицу, которое может быть вовлечено в совершение преступления как непосредственный причинитель вреда. Что же касается содержательного характера ошибки, то таковой может касаться как юридической оценки, так и фактических обстоятельств. Поэтому в основу классификации ошибок можно положить именно содержательную сторону интеллектуального момента: отсутствие осознания или неверную оценку нормативно-правовой регламентации или фактических обстоятельств содеянного.

Если говорить о составляющих указанного интеллектуального момента, то следует согласиться с А.Г. Ивановым, полагающим, что наряду с заблуждением имеет смысл выделять неведение. Заблуждение, представляя недовольство знаний, не тождественно неведению, которое подразумевает отсутствие знаний [5, с. 126].

1 Приговор Новошешминского районного суда Республики Татарстан от 30.07.2020 по делу N 1-30/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/nZP8PP43Mvd1/?page=2®ular-court=®ular-date_from=01.01.2019®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+158.+Кража%28УК+РФ%29®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=31.12.2020®ular-area=1064®ular-txt=приговор&_=1661509553200®ular-judge=/ (дата обращения: 24.08.2023).

2 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 20.

Таким образом лицо, непосредственно выполняющее объективную сторону в условиях случайной добросовестной ошибки, действует невиновно, поскольку полностью или частично отсутствует интеллектуальный момент прямого, косвенного умысла либо легкомыслия в части осознания общественной опасности своего деяния и деяния иного лица (иных лиц), вследствие чего отсутствует также и волевая направленность ошибающегося лица на причинение вреда охраняемым уголовным законом объектам. Дефект интеллектуального восприятия может касаться как юридических, так и фактических свойств события. Неверное восприятие может присутствовать в виде заблуждения или неосведомленности. Юридическая оценка поведения такого лица как преступления исключается, поэтому речь может идти также об извинительной ошибке. Вышесказанное позволяет определить понятие добросовестно ошибающегося лица, под которым следует подразумевать лицо, которое участвует в выполнении объективной стороны какого-либо преступления, действуя самостоятельно либо с исполнителем преступления в условиях заблуждения или неосведомленности относительно юридических и (или) фактических свойств содеянного, сформированных либо исполнителем, либо под воздействием обстоятельств, и при отсутствии совместного умысла с исполнителем, а также с иными соучастниками на совершение преступления. Теоретическое и практическое значение сформированной дефиниции состоит в том, что, во-первых, она позволяет отграничивать функции исполнителя от поведения лиц, которых таковой использует в качестве «говорящего орудия» при совершении преступления; во-вторых, помогает уяснить возможность применения термина «добросовестная ошибка» для правовой оценки поведения лиц, действующих самостоятельно; в-третьих, дает возможность обозначать основания непривлечения добросовестно заблуждающегося лица к уголовной ответственности и определить юридическую природу такого основания.

Признаки добросовестной ошибки. Обязательным характерным признаком рассма-

триваемого феномена является свойство добросовестности, которое, собственно, и указывает на отсутствие интеллектуальной и волевой составляющей вины. Юридическая добросовестная ошибка имеет место в тех случаях, когда на лице лежала обязанность осознания юридической оценки того или иного события (обычно это фиксируется в нормах с бланкетными диспозициями, а также при наличии признаков специального субъекта преступления, связанных с выполнением правовых или профессиональных обязанностей). Рассуждая об ошибке при нарушении уголовно-правового запрета с бланкетной диспозицией, Д.А. Дорогин предполагает гибридную ошибку, которая объединяет юридическую и фактическую ошибки: «В таких деяниях осознание лицом противоправности своего поведения трансформируется в осознание его общественной опасности» [3, с. 76-77]. При решении вопроса о непривлечении лица к уголовной ответственности должна констатироваться невозможность исполнения обязанности, обозначенной в норме уголовного закона или регулирующего нормативно-правового акта. Только в сочетании наличия обязанности быть осведомленным и юридически компетентным и отсутствия возможности исполнить данную обязанность можно говорить о добросовестной юридической ошибке и ее извинительности.

Что же касается добросовестной фактической ошибки, то ее универсальные критерии установить весьма сложно. Однако в любом случае таковая связана с отрицательным интеллектуальным либо волевым моментом любого вида умысла и любого вида неосторожности, что исключает вину лица, допустившего такую ошибку. В частности, в субъективном восприятии лица отсутствует осознание общественной опасности собственного поведения, а в контексте института соучастия – также общественной опасности поведения иных лиц. Так, уголовная ответственность за заведомо ложный донос исключается, если заявитель добросовестно заблуждался относительно события преступления и (или) его существенных обстоятельств, в том числе о причастности к этому преступлению

конкретных лиц (абз. 2 п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. N 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия»).

Следующим признаком добросовестной ошибки лица, используемого в качестве непосредственного причинителя вреда, можно назвать отсутствие единого умысла с легальным исполнителем на совершение преступления. В силу наличия фактической или юридической неосведомленности либо заблуждения даже при объективно совместной деятельности, при предварительной договоренности, обсуждении плана и техническом распределении ролей лишь легальный исполнитель осознает общественную опасность и противоправный характер своих собственных действий, а также действий вовлекаемого им в совершение преступления лица.

Предположим, что содержательным признаком добросовестной ошибки является неосведомленность лица о фактической и (или) юридической сущности совершаемых им самим, а также другими лицами деяний, т.е. то, что у субъекта преступления мы назвали бы соответственно фактической или юридической ошибкой, а именно ошибкой в противоправности содеянного или его объективных признаках (объекте, его признаках, объективной стороне и ее признаках). Так, в разъяснениях п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», связанных с понятием незаконной пересылки наркотических средств и иных ограниченных в обороте веществ, рекомендовано под незаконной пересылкой понимать действия лица, направленные на перемещение соответствующих предметов, в том числе «с нарочным при отсутствии осведомленности последнего о реально перемещаемом объекте или его сговора с отправителем». В данном случае нарочный заблуждается либо относительно наличия в перемещаемом грузе запрещенно-

го к обороту вещества, либо он знает о наличии некоего предмета, но не осведомлен о его качественных свойствах, т.е. совершает фактическую ошибку в предмете преступления либо его свойствах.

Представленная позиция высшей судебной инстанции находит воплощение в правоприменительной практике. Приговором Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 1 июня 2018 г., оставленным судом апелляционной инстанции без изменения, Т. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 и ст. 228 УК РФ. По этому же приговору осуждены А. и С. Согласно приговору Т. совершил преступление при следующих обстоятельствах: А. и Т. на автомобиле под управлением Т. приехали к месту нахождения тайника-закладки и забрали из него наркотическое средство с целью последующего незаконного сбыта. Свой преступный умысел они не довели до конца по обстоятельствам, не зависящим от них, т.к. были задержаны, а наркотическое средство (героин массой 998,55 г.) было обнаружено в автомобиле Т. и изъято сотрудниками полиции. Из показаний Т., данных им на предварительном следствии, усматривалось, что ему не было известно о преступных намерениях А., в частности, о том, что тот должен был забрать из тайника-закладки по указанию Н. наркотическое средство. Т. лишь перевозил в автомобиле А. (по его просьбе) и Н. по различным адресам, и те общались в основном между собой. Исследовав все обстоятельства, имеющиеся по данному уголовному делу, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что действия, связанные с покушением на сбыт наркотического средства, были совершены без участия Т. Судебная коллегия по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции 15 июля 2020 г. отменила приговор и апелляционное определение в части осуждения Т. по ч. 3 ст. 30 и ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, прекратила уголовное дело на основании п. 1 ч. 2 ст. 24 УПК РФ за отсутствием состава преступления и признала за ним право на реабилитацию¹.

1 URL: <https://www.vsrfl.ru/files/30695/> (дата обращения: 11.04.2023).

Что касается объективной совместности действий добросовестно ошибающегося лица с иными лицами, подлежащими уголовной ответственности, то здесь, как представляется, возможны два варианта: 1) добросовестно ошибающееся лицо совершает все действия самостоятельно по просьбе исполнителя либо иных соучастников преступления; 2) добросовестно ошибающееся лицо частично выполняет деяние совместно с исполнителем.

Таким образом, признаками добросовестной ошибки лица, используемого в качестве непосредственного причинителя преступного вреда, являются добросовестность и отсутствие единого преступного умысла с легальным исполнителем и иными соучастниками преступления.

Типология добросовестной ошибки (заблуждения или неосведомленности). Как было отмечено выше, в основу классификации добросовестной или извинительной ошибки может быть положен содержательный критерий, а именно сведения, относительно которых лицо ошибается. По аналогии с ошибкой субъекта преступления, которую тот допускает не случайно, а сознательно или по неосторожности, можно выделить юридическую и фактическую добросовестную ошибку. Первая касается правовой оценки как собственного поведения, так и действий иных лиц, направленных на создание объективной совместности деяния (например, при выполнении незаконного приказа или распоряжения, которые фактическим его исполнителем оценивались как правомерные), т.е. лицо не рассматривает ни свое поведение, ни поведение иных лиц как противоправные. Фактическая ошибка выражается в заблуждении либо неосведомленности о фактических свойствах деяния других лиц, а также об обстоятельствах события преступления в целом.

Ситуация добросовестной ошибки, если рассматривать ее в контексте института соучастия, может быть создана иным лицом (юридически обозначаемым в ч. 2 ст. 33 УК РФ как исполнитель), либо лицо может само добросовестно ошибаться относительно своих собственных действий (бездействия).

Относительно неверной юридической оценки выполнения сотрудниками организации, осуществляющей незаконную предпринимательскую деятельность, дал разъяснения Верховный Суд РФ в постановлении от 18 ноября 2004 г. N 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве», где в п. 11 говорится, что если лицо (за исключением руководителя или лица, выполняющему обязанности по руководству организацией) находится в трудовых отношениях с организацией или индивидуальным предпринимателем, которые осуществляют незаконную предпринимательскую деятельность, то выполнение этим лицом обязанностей, вытекающих из трудового договора, не содержит состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, т.е. лица, не осведомленные о незаконном характере деятельности их работодателей, ответственности за незаконное предпринимательство не подлежат. Также о неосведомленности со стороны учредителей, участников, руководителей, членов органов управления и работников организации, зарегистрированной в качестве юридического лица, и (или) руководителей, работников ее структурного подразделения говорится в примечании 1 к ст. 210 УК РФ (в ред. Федерального закона от 1 апреля 2020 г. N 73-ФЗ); подобная неосведомленность при условии, что организация и (или) ее структурное подразделение были заведомо созданы для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, исключает уголовную ответственность указанных лиц.

Добросовестная ошибка в аспекте института соучастия. Добросовестно заблуждающееся лицо, вовлекаемое в совершение преступления другими лицами, может выступать в роли непосредственного причинителя вреда. В приведенных выше примерах правоприменительной практики такие лица по распоряжению руководителя осуществляют порубку леса, которая впоследствии признается, по просьбе похитителя снимают в банкомате деньги и передают их похитителю, перевозят на своем автомобиле исполнителей незаконного оборота наркотиков вместе с запрещенными веществами и т.д. Если рассматривать

поведение таких причинителей вреда сквозь призму объективной стороны, то фактически они выполняют функции исполнителей (соисполнителей).

Однако быть юридически и (или) фактически неосведомленными могут не только непосредственные причинители вреда, но и лица, которые содействовали исполнителю советами, указаниями или предоставлением средств, не будучи осведомленными о сущности действий других лиц (исполнителей), т.е. те, которые не участвуют в выполнении деяния, составляющего объективную сторону преступления, но фактически выполняют пособнические действия. Так, п. 10.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. N 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранении водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» гласит, что действия лиц, непосредственно не участвовавших в незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов, но содействовавших совершению этого преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств и (или) орудий добычи (вылова), транспортных средств (в том числе транспортных плавающих средств), а также приобретающих, перерабатывавших, транспортировавших, хранивших или сбывавших водные биологические ресурсы, полученные в результате незаконной добычи (вылова), либо продукцию из них по заранее данному обещанию, надлежит квалифицировать по ч. 5 ст. 33 УК РФ и соответствующей части ст. 256 УК РФ при условии, что им было достоверно известно о незаконности добычи (вылова) водных биологических ресурсов. Соответственно, если лицо, давая советы, предоставляя средства или давая обещания, не осознавало преступных намерений лиц, осуществляющих незаконный вылов водных биологических ресурсов, что говорит о юридической неосведомленности, т.е. добросовестной юридической ошибке, то уголовной ответственности за пособничество исполнителю указанного преступления оно не подлежит.

Действующее российское уголовное законодательство стоит на принципе субъективного вменения, отрицая вменение объективное (ст. 5 УК РФ). Поэтому основанием непривлечения к уголовной ответственности лица, используемого исполнителем или иными соучастниками в качестве «говорящего орудия» или используемого «вслепую» как пособника в совершении преступления, является отсутствие в его действиях психического отношения к совершаемым им действиям или бездействию, т.е. вины. Так, в случае добросовестной ошибки отсутствует интеллектуальный момент в части осознания лицом общественной опасности действий вовлекающего его в преступление лица, действия последнего вообще не воспринимаются «говорящим орудием» как преступление. Отсюда следует, что в отличие от лица, совершающего преступление с умыслом либо по неосторожности, волевой момент психической деятельности отсутствует.

Обращение к зарубежному законодательству знакомит нас со следующим опытом. Так, общий принцип уголовного права Нидерландов заключается в том, что никто не может быть наказан, кого нельзя обвинить в преступлении лично. Вместе с тем эта идея никогда не была заложена в кодексе, но Верховный Суд Нидерландов признал данный принцип в 1916 г. Был сформирован прецедент, в котором работодатель был обвинен за поставку через своего служащего покупателям молока, разбавленного водой, выдаваемого за «молоко». Вода была добавлена работодателем, о чем не знал служащий. Для того чтобы обвинить работодателя, необходимо было, чтобы служащего освободили от ответственности на основании его незнания; другими словами, чтобы его посчитали «неответственным агентом» [8, с. 7-67].

Весьма неоднозначно вопрос об ответственности за опосредованное причинение вреда решается в государствах мусульманской правовой семьи, где лицо, выполняющее объективную сторону деяния, именуется материальным исполнителем. Наряду с ним мусульманское уголовное право выделяет и так называемого морального, или духовного,

исполнителя, под которым понимается лицо, использующее для совершения преступления иное лицо, не подлежащее уголовной ответственности, в том числе и в силу отсутствия преступного умысла. Иначе решается вопрос по УК Иордании и Сирии, которые не различают исполнителей материальных и духовных.

Мнения правоведов о том, кто именно должен нести уголовную ответственность (прямой исполнитель или лицо, выступающее в качестве орудия совершения преступления), расходятся. Так, Абу Ханиф не признает приказывающего причинить вред прямым исполнителем, кроме тех ситуаций, когда его приказ является принуждением. Если же приказ не достиг степени принуждения, то он является только соучастником по виновности и на него не распространяется норма прямого соучастия. Так, комментаторы ст. 47 УК Ирака 1969 г. приводят случай совершения кражи по приказу. Действовавший невиновно, в том числе и полагавший, что изымаемое им имущество принадлежит лицу, отдавшему приказ, уголовной ответственности не подлежит, а привлекается лицо, отдавшее неправоммерный приказ.

Законодатель Египта придерживался этой теории до 1904 г., когда приказывающий совершить кражу, признавался ее основным исполнителем, но не соучастником. После 1904 г. лицо, отдавшее приказ, также привлекалось к уголовной ответственности, но уже как соучастник. Вместе с тем египетский суды сегодня в этом вопросе придерживаются теории исламского шариата и считают морального исполнителя прямым (основным) исполнителем [4, с. 39].

Выводы.

1. Добросовестно ошибающимся можно обозначить лицо, которое участвует в выполнении объективной стороны какого-либо преступления, действуя самостоятельно либо с исполнителем преступления в условиях заблуждения или неосведомленности относительно юридических и (или) фактических свойств содеянного, сформированных либо исполнителем, либо под воздействием обстоятельств, и при отсутствии совместно-

го умысла с исполнителем, а также с иными соучастниками на совершение преступления. Практический смысл выделения термина «добросовестно ошибающееся лицо» в аспекте института соучастия в преступлении состоит в:

– установлении количественного и качественного, объективного и субъективного признаков соучастия либо констатации их отсутствия;

– уяснении содержания добросовестного заблуждения (неверное представление о фактических и (или) или юридических свойствах своего поведения и поведения иных лиц;

– определении основания непривлечения лица к уголовной ответственности лица, вовлекаемого в совершение в преступление.

В силу принципа субъективного вменения и законодательно обозначенного основания уголовной ответственности добросовестно ошибающееся лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности из-за отсутствия в его действиях всех признаков состава преступления, а именно вины, поскольку такое лицо не осознает общественную опасность и (или) противоправность своих действий, а также действий иных лиц, в частности лица, вовлекающего его в совершение преступления. Отсутствие такого осознания исключает вопрос о направленности воли на достижение преступного результата. Таким образом, юридическая природа добросовестной ошибки определяется как невиновное причинение вреда.

Признаками добросовестной ошибки в контексте института соучастия являются ее добросовестность и отсутствие единого умысла с легальным исполнителем и другими соучастниками преступления. По содержанию она может быть добросовестной фактической или добросовестной юридической ошибкой. По характеру такая ошибка может выражаться в ошибке-заблуждении либо в ошибке-неосведомленности.

Поведение добросовестно ошибающегося лица не может квалифицироваться как какое-либо преступление, соответственно, не рассматривается как соучастие в нем, а также как прикосновенность к нему. Если непосредственный причинитель исполнял незаконный

приказ (при отсутствии осознания его незаконности) либо претерпевал непреодолимое физическое принуждение, причинение им вреда рассматривается в рамках института обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Добросовестная ошибка может возникать как в силу намеренного введения в заблужде-

ния со стороны опосредованного причинителя вреда, так и в силу собственного неведения лица, что позволяет опосредованному причинителю использовать несведущее лицо в качестве «говорящего орудия» при совершении преступления.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – М.: Проспект, 2016. – 224 с.
2. Бабаев, М.М. Фикции в уголовной политике / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2023. – № 2. – С. 79-80.
3. Дорогин, Д.А. Разновидности юридической ошибки, исключающей уголовную ответственность / Д.А. Дорогин // Lex Russica. – 2019. – № 8 (153). – С. 74-85.
4. Елаян, Г.Ф. Основы мусульманского уголовного права : учебное пособие / Г.Ф. Елаян ; М-во образования Рос. Федерации. Дагест. гос. ун-т. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002. – 160 с.
5. Иванов, А.Г. Заблуждение и неведение в структуре вины: уголовно-правовой аспект / А.Г. Иванов // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 1 (134). – С. 123-130.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. – 5 изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 976 с.
7. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право / Н.С. Таганцев. – Т. 1. – Тула: Автограф, 2001. – 800 с.
8. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б. В. Волженкин ; пер. с англ. И.В. Мироновой. – 2. изд. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 509 с.
9. Янина, И.Ю. О групповом признаке в посредственном причинении / И.Ю. Янина // Вестник ВГУ. Право. – 2018. – № 2. – С. 292-298.
10. Янина, И.Ю. Понятие и виды причинения в уголовном праве / И.Ю. Янина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 3. – С. 117-137.